

Бывало, при этих словах Олег разволнуется, начнет припоминать лучшие черты в характере своих товарищей и до тех пор не успокоится, пока и мы не разделим его восторг. Или подойдет ко мне, заглянет в глаза:

— Мама, не даром нас растили, не даром! Наша совесть чиста перед народом. Как это хорошо! Я это очень сильно чувствую, мама. Словами тут не рассказать. Только вот я все время думаю: мало мы еще сделали, мало! Заснуть не могу от этих мыслей. Жжет сердце...

Отойдет от меня, тихо сядет к столу и начнет быстро-быстро писать. Я уж знала — стихи.

Я любила смотреть на сына, когда он писал стихи. Лицо у него бывало в это время такое, как будто сын переставал замечать нас и разговаривал с кем-то далеким.

Трогательна была сила дружбы, с которой молодогвардейцы протянули друг другу руки на смерть и победу. Она была прекрасна. Пусть комсомольская эта дружба послужит примером для наших пионеров, для всей нашей молодежи. И пусть знает наша молодежь: дружба сама собой не приходит, право на нее нужно завоевать.

Однажды, возвращаясь поздней ночью тайными тропинками с конспиративной сходимки у Нины Иванцовой, Олег вдруг прижался к забору и замер. За ним следили.

Было отчетливо слышно, как снег скрипел под ногами преследователей. Как только Олег остановился, затихли и те. Бежать такой светлой ночью было бессмысленно. Оставалось одно: идти своей дорогой. Олег тронулся, и сейчас же раздался скрип снега у него за спиной. Олег нагнулся, будто бы завязать ботинок. Шаги позади стихли.

Но Олег уже успел разглядеть темные фигуры преследователей меж домами.

«Пойду к ним навстречу, — решил Олег. — В крайнем случае отсижу ночь в полиции. Иначе проследят до дому».